

Николас Р. Джилви

Почему «Преступление и наказание» – это мусор

Оригинал: Nicholas R. Jeelvy. Why Crime & Punishment is Garbage

Источник: <https://counter-currents.com/2023/02/why-crime-punishment-is-garbage/>

Перевод с английского, 2023 г. На русском языке публикуется впервые!

Родион Раскольников, как он изображен на обложке одного из изданий книги.

Представьте, что вы молодой человек, который, несмотря на ярко выраженный интеллект, живет в нищете. Вы полны энергии и идей, но вам не хватает капитала для достижения того, чего вы хотите достичь. Кроме того, у вас нет никаких супружеских или сексуальных перспектив, и единственная женщина, которая была добра к вам, – это настоящая проститутка с отцом-алкоголиком и немощной матерью. Мало того, ваша семья столкнулась с такой страшной нищетой, что ваша сестра вынуждена выйти замуж за отвратительного и аморального извращенца, который более чем вдвое старше ее, просто чтобы избавить себя и свою пожилую мать от голодной смерти. Вам дается шанс спасти свою сестру от приставаний развратника, но для этого вы должны совершить правонарушение. Так или иначе, вы убеждаете себя, что а) средства оправдывают цель и б) поскольку вы несколько высшая форма бытия, вы имеете право совершить этот проступок. Но я мог бы избавить вас от этого вступительного абзаца, дорогой читатель, и просто попросить вас представить себя

Родионом Романовичем Раскольниковым, злополучным героем романа Федора Михайловича Достоевского «Преступление и наказание».

Впервые я попробовал прочитать «Преступление и наказание» в десять лет. Броские слова, написанные поперек корешка, давно манили меня в обширной бабушкиной библиотеке. У меня к тому времени уже развилось болезненное увлечение способами казни и судебными побоями, так что я ожидал гнусного преступления и сочного наказания; что-то вроде мучений Квазимодо у позорного столба или повешения миледи де Винтер в кульминации «Трех мушкетеров». Вместо этого я получил молодого человека, который неуклюже зарубил старуху топором, а затем психологически истязал себя за этот поступок. У Достоевского не получилось то, в чем добились успеха Дюма, Гюго и Лондон: он не смог увлечь меня. Он совершил худший грех, который только мог совершить писатель: вызвал скуку у своего читателя. Я положил «Преступление и наказание» обратно на полку, полагая, что надоедливый Федор Михайлович навсегда ушел из моей жизни.

Как я был наивен. Примерно семь лет спустя мне в старших классах школы поручили прочесть «Преступление и наказание» и якобы проанализировать это произведение, хотя от нас вряд ли ожидали большего, чем извержение заранее заготовленных выводов, предписанных большеголовыми джентльменами из Союза писателей. Я решил, что в десять лет я был слишком мал, чтобы в полной мере оценить эту книгу, и решил сделать еще одну попытку в старших классах. Я открыл для себя две вещи: первую о себе, другую о романе.

Мне он показался таким же скучным, как и раньше, но я обнаружил вторую эмоцию: отвращение. Там был список заблуждений, которые книга пыталась продать мне, и мое сердце отметило это как яд или болезнь. Меня возмутила жестокость, высказанная по отношению к Раскольникову. Как описано в первом абзаце, это был молодой человек с явным интеллектом и способностями, вынужденный жить в нищете и страдать от социальных, семейных и сексуальных унижений, видя, как его собственные романтические перспективы сводятся к отношениям с настоящей шлюхой, представленной как высокий образец христианской морали. Он видит выход, но этот выход предполагает нарушение законов общества и отчасти заставляет его стать законом для самого себя. Автор осуждает своего героя и вместо этого рекомендует ему смириться со своей судьбой и уважать ту самую систему, которая изначально подвергла его этим унижениям. Может быть, если ему повезет, он сможет жениться на этой проститутке после восьми лет каторги в Сибири.

Большая часть привлекательности романа проистекает из ниспровергнутых ожиданий. Раскольников строит из себя сверхчеловека, который может создать свою собственную мораль, но терпит крах под тяжестью вины после убийства старой ростовщицы и ее сестры. Роман не совсем тонок в своей ди-

дактической цели: убедить молодых людей в том, что они не способны бунтовать против господствующей в обществе морали и норм. Даже если они считают себя стойкими, на самом деле они такие же слабые и мучимые чувством вины, как и все остальные.

Пока он пытался проповедовать эту многословную скукотищу, Достоевский помог мне кое-что узнать о себе самом. Так случилось, что ко времени моего второго прочтения книги я уже преступил против господствующей в обществе морали способом, который был гораздо хуже убийства: я публично и громко совершил акт расизма, за что был исключен из престижной частной школы, что привело к моему несчастному заключению в этой школе. Я с гордостью переносил свое наказание и остракизм, потому что знал, что с точки зрения морали не совершил ничего плохого. У меня не было чувства вины, разъедающего мою совесть, я не страдал бредом и не испытывал желания жениться на проститутке. Что я узнал о себе, так это то, что я сделан из гораздо более твердого материала, чем Раскольников. Однако о «Преступлении и наказании» я узнал, что роман пытался убедить меня в том, что я слаб и жалок, и что я должен довольствоваться жизнью в тупике, питаясь теми объедками, которые могут упасть с большого стола.

Ну, подождите, вы можете сказать мне. Одно дело расизм, другое убийство. Убийство – однозначно зло, а расизм – это все же зло с оговоркой. Да, я думаю, вы можете использовать этот аргумент, но это все-таки роман, к тому же тошнотворно дидактический. Убийство Раскольниковым старухи-процентщицы – не просто убийство, а весьма драматизированный заменитель всех преступлений против системы. Из письма, которое Раскольников в начале романа получает от матери, мы можем заключить, например, что величайшим преступлением Раскольникова является не убийство, а атеизм. В царской России девятнадцатого века несогласие с официальной православной верой считалось опасным и дестабилизирующим проступком. Имя Раскольникова кажется понятным для носителей славянских языков, ибо оно происходит от слова «раскол», означающего ересь или (религиозную) рознь. Неуклюжей символикой изобилуют и имена остальных персонажей: например, мудрого друга зовут Разумихин – от русского слова «разум». И искупление Раскольникова в конце включает в себя религиозное обращение. В самом деле, мы можем видеть, что преступление, ставшее частью названия романа, – это, вероятно, вовсе не убийство, а атеизм – или, точнее, ухищрение, позволяющее человеку идти против правил общества, даже когда правила общества мешают его успеху и выживанию. Преступление Раскольникова в том, что он осмелился пойти против системы, которая потихоньку пыталась превратить его сестру в шлюху, а из него самого выжать все соки и выбросить прочь.

Поняв, таким образом, что Достоевский пытается промыть мне мозги, чтобы я прекратил возмущаться несправедливостью общества, я закрыл книгу, поклявшись никогда больше не подвергать себя чтению такой чепухи. Я слышал,

как многие слабоумные заявляют о своем восхищении великим великаном Достоевским. Всякий раз, когда у меня были силы спорить, я излагал свои возражения, и чаще всего я слышал визгливые обвинения в неграмотности, некультурности, немытости и другие отборные эпитеты, которыми люди среднего ума клеветают на тех, кто лучше их.

Наедине и своим близким друзьям я открыл Достоевского, объяснив, чем он был на самом деле: агентом лагеря рабского труда под открытым небом, которым была и остается Восточная Европа, чья роль заключалась в том, чтобы успокаивать непослушных рабов всякий раз, когда у них возникали мысли дать отпор системе, которая мучила их и лишала достойной жизни. Где были бы царская процентщица, комиссар-коммунист или олигарх переходного периода без старого доброго Федора Михайловича, умиротворяющего их несчастное человеческое стадо? Стоит ли удивляться тому, что его гнусный яд был обязательным чтением для молодых людей, как раз тех, чьи жизни должны были быть разрушены, чтобы коммунистические главари и олигархи могли жить в роскоши? Я написал стихотворение, воспевающее Раскольникова, как часть своего цикла стихов, отдающих дань уважения разным людям, и стал жить дальше, радуясь тому, что не проглотил яд, который Достоевский пытался влить в мою душу.

Однако кажется, что каждый человек обречен вести одну и ту же битву всю свою жизнь. И вот, когда мой путь привел меня к более сознательной и утонченной форме расизма, я еще раз наткнулся на философию рабства Достоевского, на этот раз пропагандируемую лжепророком и обманщиком молодых людей по имени Джордан Питерсон. Подход был другим, проза была слабее, но посыл был тот же: проблема не в обществе, и вы не имеете права осуждать общество, даже если оно издевается над вами и сталкивает в канаву. Ваша роль состоит в том, чтобы работать как раб ради обогащения своих палачей, жениться на шлюхе, которая безупречна в моральном отношении, и если вам случайно подадут на обед миску дерьма, вы должны съесть ее, вылизать миску и поблагодарить своих господ за то, что соизволили нагадить в вашу тарелку. Я не удивился, узнав, что Питерсон был поклонником Достоевского, и действительно, беглый поиск по консервативным сайтам говорит нам о том, что приверженцы этой идеологии рабов очень преклоняются перед Федором Михайловичем.

Таким образом, я изложил свои старые возражения против философии «Преступления и наказания», чтобы наши уважаемые читатели могли защитить себя от психологической и моральной проказы, которую она пытается распространять. Когда я впервые задумался об этой статье, я назвал Раскольникова «первым инцелом». Но это неточная характеристика. Он не инцел в том смысле, что он нежелательный, генетический тупик человека, погрязшего в жалости к себе. Раскольников красив и умен, но его ведет к лишениям и гибели несправедливая система, зависящая от его постепенного уничтожения.

Более того, он далеко не первый. Были миллионы таких юношей, как он: люди, обманом лишенные будущего и оставленные без перспективы или надежды, изгнанные и неуважаемые, рожденные в цепях, вынужденные играть в игру, которую нельзя выиграть, и оставшиеся с ненасытными желаниями и бушующими гормонами. Для них не будет освобождения, сексуального, романтического, социального или экономического. Ни одно общество никогда не думало предложить им какую-либо помощь.

А почему оно должно было бы им ее предлагать? Общество не основано на сострадании к молодым людям. Им будут предложены лжепророки, недобросовестные или заблуждающиеся люди, такие как Джордан Питерсон или Федор Михайлович Достоевский, которые дают надежду людям, утратившим надежду, тем самым покупая для общества верность и труд этих людей, заставляя их играть в безнадежную игру себе во вред. Они введут этих людей в заблуждение, убедят их винить самих себя в преступлениях, совершенных против них обществом, а затем заставят их принести себя в жертву на алтари ложных богов вместо того, чтобы нанести сильный удар по жрецам этих злых режимов.

Библиотека Велесова Слобода, 2023 г.